

VI. ПРОМЕЖУТОЧНОСТЬ, ПОСРЕДНИЧЕСТВО, САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

Элина Васильева

Литературовед-русист в Латвии: межкультурный посредник или чужой?

Понимание *чужого* как инокультурного элемента и *межкультурного посредника* относится к сфере мужкультурной коммуникации в свете разнообразных теорий, возникших в последние годы. Исследование образа чужого стало наиболее актуальным и в теориях, продвигающих идею глобализации, и в теориях национальной идентичности. Осознание чужого, в любом случае, ориентировано на осознание своего. «Родная, не из иных стран, культура объединяет людей и одновременно отделяет их от других, чужих культур. Иначе говоря, родная культура — это и щит, охраняющий национальное своеобразие народа, и глухой забор, отгораживающий от других народов и культур. Весь мир делится таким образом на своих, объединенных языком и культурой людей и на чужих, не знающих языка и культуры» (5, 18). В связи с этим обозначился интерес к функциям межкультурного посредника. В целом ряде работ по межкультурной коммуникации понимание межкультурного посредничества сопряжено с вербальной стороной коммуникации — межкультурный посредник воспринимается в контексте переводоведения: «Переводчик — всегда посредник, «промежуточный деятель», способствующий сближению «своей» и «чужой» культур» (3, 151). Тем не менее понимание межкультурного посредничества должно быть значительно шире, нежели только лингвистический перенос. В действующих процессах глобализации функция меж-

культурного посредничества не может сводиться к пониманию межкультурного посредника как субъекта труда. Подобное узкое понимание межкультурного медиаторства заявлено в некоторых научных статьях (2)¹. Функционирование филологических дисциплин в инокультурной среде как раз демонстрирует более развернутый комплекс функций и задач межкультурного посредничества.

Положение русской филологии в Латвии в конце 20-ого — начале 21 века во многих отношениях определено геополитической ситуацией. С восстановлением в Латвии независимости (1991 год) кардинальным образом меняется статус русского языка и русской культуры в целом. Официальное и общественное восприятие русской культурной модели приобретает новые характеристики. На общественно-политическом уровне литературоведческая русистика в Латвии оказалась в определенной мере в роли наследника советской эпохи. С одной стороны, в качестве причины можно считать примарный характер исследований по русской литературе в советскую эпоху, в результате чего изучению национальной литературы отводилась фоновая, региональная роль. Старшее поколение современных латышских литературоведов защищало свои диссертации преимущественно за пределами Латвии (знаковыми оказались Московская, Ленинградская и Тартуская школы). Таким образом, в латышском литературоведении, особенно в конце 90-х годов, обозначилась компенсаторная стратегия. Молодое поколение современных латышских литературоведов ориентировано на англоязычные традиции теории литературы и культурологических школ. С другой стороны, подобное отношение к русистике определено общественным и политическим контекстом: в определенных общественных и политических кругах маркер «русский» воспринимает-

---

¹ Имеется в виду статья Анны Будариной и Марины Самсоновой, в которой межкультурное посредничество трактуется как особый род профессиональной деятельности: «Медиаторство как сфера профессиональной деятельности постепенно приобретает самостоятельный статус. Сначала в рамках деятельности торгово-промышленных палат как служба урегулирования экономических споров, постепенно медиаторство (посредничество) получает более широкие полномочия» (2, 91).

ся в связи с современными политическими отношениями Латвии и России. В результате чего русская литература воспринимается как составляющая «чужого» (а в отдельных случаях враждебного) мира. При этом необходимо разделять проявления социальной памяти и мнение, которое репрезентировано в научных кругах.

Существенным фактором становится общественный и этнический маркер ученого-русиста. Большая часть русских филологов не являются этническими латышами. Более того, некоторые из них (представители старшего поколения) оказались вне поля латышской культуры: незнание латышского языка, который приобрел статус государственного, достаточно хрестоматийные представления о специфике латышской литературы. Все это повлияло на определенную отстраненность русского литературоведения в рамках латвийской филологии.

Место литературоведческой русистики в современном научном филологическом пространстве Латвии может быть рассмотрено в двух аспектах: 1) русское литературоведение в контексте актуальных вопросов литературоведческой методологии; 2) русская литература как один из компонентов зарубежной литературы (в дословном переводе термина — «литературы других народов» / *cittautu literatūras vēsture*).

За последние годы в социокультурном пространстве Латвии обозначились три языковые модели определения русской культурной составляющей: «Русская культура в Латвии», «Русская культура Латвии», «Культура русских в Латвии». Небольшие на первый взгляд лингвистические нюансы, тем не менее, выявляют различные подходы к определению места русской культуры в латвийском культурном пространстве: как его органическую часть или как чужеродный элемент, характеризующийся только с точки зрения локуса. Эта проблема актуализируется разного рода общественными и просветительскими организациями, реализующими среди прочих проекты, включающие и научную деятельность. Наиболее наглядным примером является Гуманитарный семинар *Seminarium Hortus Humanitatis*. Основным концептом становится концепт «русская тема». В своих очерках «Русская тема» Вячеслав Пьецух

писал: «Как стало понятно, что марксистско-ленинский опыт над планетой Земля потерпел фиаско, так сразу „русская тема“ и возродилась. С одной стороны за нее взялись те литературные силы, которые были обеспокоены безответным европейским чувством русского человека, с другой стороны — те литературные силы, которые искали своеобычность в гнусно-азиатских условиях его жизни» (4, 13). Ироничное высказывание Пьецуха относится к литературной деятельности. Но в некоторой мере оно может быть соотнесено с деятельностью некоторых культурно-просветительских обществ в Латвии. Научная филологическая и университетская образовательная деятельность остается в стороне от подобных, в определенной степени политических изысков.

Восприятие геополитического контекста (отношение к существующим политическим установкам в области культуры, науки и образования, определение в связи с этим статуса русского языка и оценка русской культурной модели как в общем, так и в конкретном латвийском контексте) порождает определенное действие (выстраивание научной стратегии и понимание места русской филологии в общей филологической системе латвийской науки). В свете теории Пьера Бурдьё научная деятельность русистов в конкретных геополитических условиях может быть воспринята как практики (или в каждом отдельном случае — варианты практик), направленные на адаптацию в сложившейся модели социального мира. По мнению Бурдьё, «рациональный габитус, являющийся условием экономической практики, есть продукт особых экономических условий, которые определяют обладание экономическим и необходимым культурным капиталом, чтобы уметь улавливать „потенциальные возможности“, формально предлагаемые всем» (1, 125). Формирование этих практик сохраняет свою внутреннюю логику и преемственность. Это может быть связано с выявлением и обретением своего места в общественной среде (отношение к существующим политическим установкам, наличие возможности для просветительской деятельности) и с выявлением своего места и специфики функционирования в научной среде. На данный момент можно ут-

верждать о существовании единого комплекса литературоведения в Латвии, включающего разнокультурные направления. Примером тому служит присвоение в 2014 году престижной премии Латвийской академии наук в области литературы — премии Райниса — профессору Даугавпилсского университета Федору Федорову за «выдающийся вклад в исследование сравнительного литературоведения и зарубежных литератур».

В культурном пространстве Латвии литературное творчество и исследования литературы не являются объектом сакрализации. Это проявляется в смене восприятия филологических дисциплин в общем, и литературоведения — в частности. Более актуальными и востребованными оказались антропологические, этнографические исследования и исследования по фольклористике. Частично актуализацию этих аспектов можно объяснить общественным и научным интересом к проблемам национальной идентичности и самосознания нации. Вследствие изменения статуса русского языка (сейчас он имеет статус иностранного языка) экономически более выгодной в системе образования (и в первую очередь высшего) оказалась переквалификация (как правило, частичная) литературоведов в преподавателей русского языка как иностранного (таким образом, происходит разделение научной и педагогической деятельности).

В филологии, наряду с другими научными сферами, актуализируется междисциплинарный подход, что находит отражение в изданной в 2013 году коллективной монографии «Современные теории литературы» (*Mūsdienu literatūras teorijas*) (6). Составители монографии во Введении подчеркивают, что структура книги опирается на принципы, изложенные англо-американскими научными и образовательными институтами. В качестве теоретической базы заложены активно цитируемые взгляды Джонатана Каллера и немецкого литературоведа Инго Беренсмайера. Задача составителей заключалась как раз в том, чтобы ввести латышское литературоведение и теорию литературы в западноевропейский контекст, перечеркивая таким образом зависимость латышского литературоведения от советского научного канона. В наследии советского

периода особая роль отводится Юрию Лотману — Лотман и Тартуская школа отмечаются как единственный прорыв и альтернатива марксистской критике.

Каждая глава монографии посвящена отдельной школе, или, по терминологии составителей, — направлению. Выбор направлений достаточно условен, хотя бы потому, что среди них отсутствует актуальное в латвийском научном пространстве сравнительное литературоведение. Упоминание традиций литературоведческой русистики достаточно частотно (оно появляется в первой части монографии). Глава, посвященная формализму, озаглавлена «Русский формализм». Для латышского литературоведения стало распространенным восприятие формализма именно в контексте русской и советской традиций. В целом ряде промоционных работ, статей и университетских лекционных курсов формализм определяется как устаревший метод, в самом названии которого зачастую усматриваются отрицательные коннотации. Еще одним знаковым моментом становится отнесение Владимира Проппа к традиции формализма — в главе «Русский формализм» направление деятельности Проппа определено как поздний формализм и как «морфологическое ответвление» формализма. И это не личная точка зрения автора данного подраздела. На протяжении последних десяти лет ссылки на Проппа в разного рода научных статьях сопровождаются его характеристикой как модельного представителя формализма. В другом разделе монографии, посвященном нарратологии, Пропп также называется русским формалистом.

Несколько неожиданное прочтение русско-латышских литературоведческих контекстов возникает в главе, посвященной структурализму. Сразу следует отметить, что ее авторы не являются литературоведами: Иева Скулте — доктор филологии, а Нормунд Козлов — магистр социальных наук, оба преподают на факультете коммуникации Рижского университета Страдыня. Излагая историю формирования структурализма, они говорят о двух центрах структурализма в Советском Союзе — Московская школа структурализма и Тартуско-Ленин-

градская школа. Характерно, что на данную ошибку никто из рецензентов монографии не обратил внимания.

Собственно в латвийском литературоведении за последние 20 лет сложилось устойчивое представление о литературоведческой школе Даугавпилсского университета как последовательнице традиций Тартуско-Московской семиотической школы, что связано с исторически сложившимися традициями литературоведческой русистики, основоположником которых является профессор Федор Федоров. Именно благодаря ему, им созданной школе литературоведения (Институт компаративистики², докторантура по литературоведению) происходит своего рода перенос методологии структурно-семиотического анализа на модель исследования латышской литературы. Продуктивность такого переноса находит практическое подтверждение в целом ряде диссертационных исследований и разработанных научных тем. Именно по этой причине написание главы, посвященной семиотической школе, было поручено автору данной статьи (единственному представителю литературоведческой русистики среди авторов монографии).

И в анализируемой монографии, и в существующей филологической системе Латвии имя Юрия Лотмана становится своеобразным маркером продуктивной связи литературоведческой русистики с латышским и западноевропейским литературоведением.

Еще одно знаковое имя в культурном контексте латвийской филологии — Михаил Бахтин. В монографии достаточно развернутая ссылка на его труды появляется в главе «Нарратология». В этой главе совершенно четко обозначен круг проблем, которыми в основном занимается русское литературоведение (это фактически дословная цитата). В качестве модельных знаков русского литературоведения выделен следую-

---

² Институт компаративистики был закрыт в 2014 году после создания в Даугавпилсском университете Института Гуманитарных и социальных исследований. Преемником компаративистских исследований стал Гуманитарный факультет.

щий терминологически обозначенный круг проблем: фабула — сюжет, хронотоп, позиция автора.

На данный момент в Латвии существуют два центра научной русистики, сохраняющие историческую преемственность, — отделение славистики Латвийского университета и кафедра русистики и славистики Даугавпилсского университета. При Даугавпилсском университете и Балтийской международной академии действуют Центры русского языка фонда «Русский мир», но их деятельность в высшей степени характеризуется как просветительская и образовательная, особенно в случае с Балтийской международной академией, где филологическая научная школа отсутствует.

Оба университетских центра (в Риге и в Даугавпилсе) выстраивают свою деятельность в сотрудничестве, где у каждого центра есть как свой очерченный круг проблем, так и общие исследовательские темы. Это отражается и в тематике научных конференций, и в разработанных научных проектах. В обоих университетах действуют промоционные советы по литературоведению, где в рамках специальности «Литература других народов» защищаются диссертации по русской литературе. Статистические данные за последние десять лет (2005-2015) выявляют следующую ситуацию. Три диссертации по русской литературе защищены в промоционном совете Латвийского университета, при этом одна из них защищалась по специальности сравнительное литературоведение, но объектом исследования послужил материал русской литературы (Анастасия Ведель, «Миф о Тристане и Изольде в контексте русской литературы первой половины 20 века»), в промоционном совете Даугавпилсского университета было защищено 7 диссертаций. Кардинальным отличием является язык исследований — в Латвийском университете все диссертации пишутся на латышском языке, несмотря на то, что Высшая научная комиссия при Ученом совете Латвии разрешает защиту диссертаций по филологии на языке исследуемого материала. Тематика диссертаций в определенной мере демонстрирует общие тенденции литературоведческой русистики Латвии: за исключением одной диссертации (Екатерина

Богаткевича, «Художественный мир поэзии Николая Языкова») интересы всех исследователей сосредоточены на специфике литературы первой половины XX века. В названии трех работ выделен определенный период — 20-30-ые годы. В четырех работах интересы исследователей связаны с феноменом русской литературы в Латвии и русской литературы Латвии. Таким образом, определяется поле исследовательской деятельности русского литературоведения Латвии: русская литература Латвии, связь русских писателей с латвийским историко-культурным пространством, Латвия как текст в произведениях русской литературы.

В некотором смысле можно говорить о наличии определенного социального заказа, при этом социального заказа как внутреннего (специфика литературоведческих проблем в Латвии в целом), так и внешнего (интерес зарубежных коллег к конкретным материалам русской литературы, локализованным в пространстве Латвии).

Именно литературоведы-русисты (в большинстве) занимают положение на стыке культур: введение ряда литературоведческих работ в латышскоязычную научную среду (в этом смысле работы по русской литературе, написанные на латышском языке, выполняют функцию трансфера). Исследовательский материал русистов служит актуальным материалом для исследований по сравнительному литературоведению (в сравнительном литературоведении знаковым оказалось монографическое исследование Людмилы Спроге и Веры Вавере «Зарождение латышского модернизма и русская литература „серебряного века“» / *Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras „sudraba laikments”*) (7), которое занимает значительное место в современном литературоведении Латвии.

Во многих отношениях позиция литературоведа-русиста сводится к функции межкультурного посредника. В отличие от позиций, транслируемых в некоторых кругах политической и общественной сферы, на академическом уровне происходит минимализация концепта чуждости. Во всяком случае в рамках латвийской филологии функция посредничества и составляющей части общенаучной модели вполне определена.

Научная литература и источники

1. Бурдье, Пьер. Практический смысл. СПб: Алетейя, 2001.
2. Бударина, Анна, Самсонова, Марина. Профессиональная функция «Межкультурный посредник»: статус и содержание деятельности. // Педагогические и психологические науки. Вып. 5, 2010. С. 91-96.
3. Зинченко Виктор, Зусман Валерий, Кирнозе Зоя. Межкультурная коммуникация. Системный подход. Нижний Новгород: издательство НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003.
4. Пецух, Вячеслав. Русская тема. О нашей жизни и литературе. М.: Глобулус ЭНАС, 2005.
5. Тер-Минасова, Светлана. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008.
6. Mūsdienu literatūras teorijas. (Sastādītāji Ieva Kalniņa un Kārlis Vērdiņš). Rīga: LU Literatūras, folkloras un mākslas institūts, 2013.
7. Sprōģe, Ludmila. Vāvere Vera. Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras "sudraba laikments". Rīga: „Zinātne”, 2002.